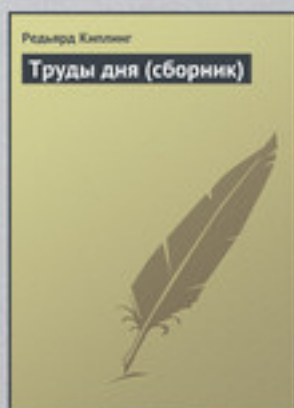

Редьярд Киплинг

Бродячий делегат

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редьярд Киплинг
Бродячий делегат

«Public Domain»

1894

Киплинг Р. Д.

Бродячий делегат / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1894

«Согласно обычаям Вермонта, воскресенье после полудня на ферме посвящается раздаче соли скоту, и, за редкими исключениями, мы сами занимаемся этим делом. Прежде всего угощают Дева и Пета, рыжих быков; они остаются на лугу вблизи дома, готовые для работы в понедельник. Потом идут коровы с Паном, телятком, который давно должен был бы превратиться в телятину, но остался жив, благодаря своим манерам, и, наконец, угощаются лошади, разбросанные на семидесяти ярдах заднего пастбища...»

© Киплинг Р. Д., 1894

© Public Domain, 1894

Редьярд Киплинг Бродячий делегат

* * *

Согласно обычаям Вермонта, воскресенье после полудня на ферме посвящается раздаче соли скоту, и, за редкими исключениями, мы сами занимаемся этим делом. Прежде всего угощают Дева и Пета, рыжих быков; они остаются на лугу вблизи дома, готовые для работы в понедельник. Потом идут коровы с Паном, теленком, который давно должен был бы превратиться в телятину, но остался жив, благодаря своим манерам, и, наконец, угощаются лошади, разбросанные на семидесяти ярах заднего пастбища.

Идти нужно вдоль ручья, питающего журчащую, шумную водоподъемную машину, через рощу сахарного клена, которые смыкаются за идущим, словно волны моря у мелкого берега. Затем идет неясная линия старой лесной дороги, пробегающая мимо двух зеленых впадин, окаймленных дикими розами, которые отмечают погребя двух разрушенных домов, потом идем мимо «Забытого фруктового сада», куда никто не ходит, за исключением того времени, когда готовят сидр, потом, через другой ручей, на «Заднее пастбище». Часть его покрыта елями, болиголовом и соснами, сумахом и маленькими кустами, другая же часть – серыми скалами, камнями, мхом, перерезанными зелеными полосами рощ и болот; лошади любят это место – наши и чужие, которых пускают пастись за пятьдесят центов в неделю. Большинство людей ходят на Заднее пастбище пешком и находят путь очень тяжелым, но можно поехать туда и в кабриолете, если лошадь знает, чего от нее хотят. Самый безопасный способ передвижения – это наше «купе». Начал этот экипаж свое существование в виде телеги, которую мы купили за пять долларов у одного несчастного человека, у которого не было никакого иного имущества, сиденье слетело однажды вечером, когда мы поворачивали за угол. После этого изменения экипаж этот стал вполне пригодным для плохой дороги, если сидеть на нем крепко, потому что при падении ногам не за что было зацепиться, зато он скрипел, словно песни пел.

Однажды в воскресенье после полудня мы, по обыкновению, поехали с солью. День был очень жаркий, и мы не могли нигде найти лошадей. Тогда мы дали волю Тедде Габлер, кобыле с подрезанным хвостом, которая громко стучала своими огромными копытами. Как она ни была умна, но все же опрокинула «купе» в заросший ручей, прежде чем добралась до края утеса, на котором стояли все лошади, отмахиваясь хвостами от мух. Первым окликнул ее Дикон. Это очень темный, серый конь четырех лет, сын Гранди. Его начали приучать к езде с двух лет, он ходил в легком экипаже еще до того, как ему исполнилось три года, а теперь считается самой надежной лошастью для дам, не боящейся ни паровиков, ни перекрестков, ни уличных процессий.

– Соль! – радостно сказал Дикон. – Вы немного запоздали, Тедда.

– Место, место дайте, куда сунуть купе! – задыхаясь, проговорила Тедда. – Эта погода ужасно утомляет. Я приехала бы раньше, да они не знают, чего хотят. Оба упали два раза. Не понимаю такой глупости.

– Вы очень разгорячились! Поставьте-ка его под сосны и освежитесь немного.

Тедда вскарабкалась на край утеса и втиснула купе в тень крошечного соснового лесочка, мой спутник и я легли, задыхаясь, на темные шелковистые иглы. Все домашние лошади собрались вокруг нас, наслаждаясь воскресным отдыхом.

Тут были Род и Рик, старейшие лошади на ферме. Это была хорошая пара, гнедая в яблоках, близнецы, пожилые сыновья хемблтонца-отца и матери морганской крови. Потом Нип и Тэкк, вороные, шести футов, брат и сестра по происхождению, «Черные соколы», заме-

чательно подходившие друг другу по масти и только что заканчивающие свое образование, – красивейшая пара на протяжении сорока миль. Был Мульдон, наша бывшая упряжная лошадь, купленная случайно, какой угодно масти, кроме белой, и Туиззи из Кентукки с большим бедром, вследствие чего он неуверен в движениях задних ног. Он и Мульдон целую неделю возили песок для нашей новой дороги. Дикона вы уже знаете. Последний, жевавший что-то, был наш верный Марк Аврелий Антоний, вороной конь, возивший нас в кабриолете в любую погоду и по всякой дороге, всегда стоявший запряженным перед какой-либо дверью – философ с аппетитом акулы и манерами архиепископа. Тедда Габлер была новой покупкой, лошадь с дурной репутацией, в сущности являвшейся результатом неумения править. У нее была особая походка во время работы, которой она шла, пока было нужно, римский нос, большие выпуклые глаза, хвост, похожий на бритву, и раздражительный характер. Она приняла соль неразнузданной, остальные подошли и ржали, пока мы не высыпали весь запас соли прямо на утесы. Почти все время они стояли свободно, большей частью на трех ногах, и вели обыкновенную болтовню. Заднего пастбища – о недостатке воды, щелях в изгороди, о том, как рано в этом сезоне начались ветры. Маленький Рик сдунул последние свои крупинки соли в трещину утеса и сказал:

– Поторопитесь, братцы! Могли бы знать, что явится нахлебник.

Мы услышали стук копыт, и из рва вскарабкался подслеповатый, неуклюжий рыжий конь, посылаемый на подножный корм из городского манежа, где его звали Ягненком и отдавали только по ночам приезжим. Мой спутник, который знал лошадей и объездил многих, посмотрел на подымавшуюся всклокоченную, похожую на молот голову и спокойно проговорил:

– Слабое животное. Пожирает людей, когда представляется случай, – взгляните на его глаза. И брыкается – взгляните на его поджилки. Западная лошадь.

Животное подвигалось вперед, фыркая и ворча. По его ногам видно было, что он не работал уже много недель. Наши подданные столпились вокруг него с значительным видом.

– По обыкновению, – сказал конь со скрытой насмешкой, – вы склоняете ваши головы перед тираном, который приходит и все свое свободное время тарашит глаза на вас.

– Я покончил со своим, – сказал Дикон, он слизал остатки соли, сунул нос в руку своего хозяина и произнес молитву по-своему. У Дикона были самые очаровательные манеры, когда-либо виденные мною.

– И униженно благодарите его за то, что составляет ваше неотъемлемое право. Это унижительно, – сказал рыжий конь, втягивая воздух и стремясь учуять, не найдется ли несколько лишних крупинок соли.

– Сойди тогда с горы, Бони, – ответил Дикон. – Я думаю, что там найдешь, что поесть, если уже не соскреб всего. Ты съел больше, чем трое из нас сегодня, – и вчера, и за последние два месяца – с тех пор, что был здесь.

– Я обращаюсь не к молодым и незрелым. Я говорю с теми, мнение и опытность которых вызывают уважение.

Я видел, что Род поднял голову, как бы желая сделать какое-то замечание, потом снова опустил ее и расставил ноги, как лошадь, везущая плуг. Род может пройти в тени милу за три минуты по обыкновенной дороге, в обыкновенном кабриолете. Он чрезвычайно силен, но, как большинство лошадей хемблтонской породы, с годами становится несколько угрюмым. Никто не может любить Рода, но все невольно уважает его.

– В них, – продолжал рыжий конь, – я желаю пробудить постоянное сознание наносимых им обид и оскорблений.

– Что это такое? – сонно спросил Марк Аврелий Антоний. Он подумал, что Бони говорит о какой-нибудь особенной еде.

– Говоря «обида и оскорбления», – Бони бешено размахивал хвостом, – я подразумеваю именно то, что выражается этими словами. Да, именно то.

– Джентльмен говорит совершенно серьезно, – сказала кобыла Тэкс своему брату Нипу. – Без сомнения, размышление расширяет кругозор. Его речь очень возвышенна.

– Ну, сестра, – ответил Нип. – Ничего он не расширил, кроме круга обглоданного им пастбища. Там, откуда он пришел, кормят словами.

– Все же это – элегантный разговор, – возразила Тэкс, недоверчиво вскидывая хорошенькую тонкую головку.

Рыжий конь услышал ее и принял, как ему казалось, чрезвычайно внушительную осанку. В действительности же он имел вид чучела.

– Теперь я спрашиваю вас – без предвзвешенности и без пристрастия, – что сделал когда-либо для вас человек-тиран? Разве вы не имеете неотъемлемого права на свежий воздух, дующий по этой безграничной равнине?

– Вы когда-нибудь зимовали здесь? – весело сказал Дикон, остальные засмеялись исподтишка. – Довольно-таки холодно.

– Нет еще, не приводилось, – сказал Бони. – Я пришел из безграничных пространств Канзаса, где благороднейшие из нашего рода живут среди подсолнечников, около садящегося во всем своем блеске солнца.

– И вас прислали как образец? – сказал Рик, и его длинный, прекрасно ухоженный хвост, густой и красивый, как волосы квартеронки, дрогнул от смеха.

– Канзас, сэр, не нуждается в рекламе. Его прирожденные сыны полагаются на себя и на своих туземных отцов. Да, сэр.

Туиззи поднял свою умную, вежливую, старую морду. Болезнь сделала его застенчивым, но он всегда – самый вежливый из коней.

– Извините меня, сэр, – медленно проговорил он, – но если только данные мне сведения не верны, большинство ваших отцов, сэр, привезено из Кентукки, а я из Падуки.

Небольшая доля гордости слышалась в последних словах.

– Каждая лошадь, смыслящая что-нибудь, – внезапно проговорил Мульдон (он стоял, упершись своим волосатым подбородком в широкий круп Туиззи), – уходит из Канзаса прежде, чем ей остригут копыта. Я убежал из Иоваи в дни моей юности и невинности и был благодарен, когда меня отправили в Нью-Йорк. Мне-то вы не можете рассказать о Канзасе ничего, что мне было бы приятно вспомнить. Даже конюшни на бегах не представляют собой ничего особенного, но и они могли бы считаться принадлежащими Вандербильту по сравнению с конюшнями Канзаса.

– То, что думают сегодня канзасские лошади, американские еще будут думать завтра, а я говорю вам, что, когда лошади Америки восстанут во всем своем величии, дни порабощителей будут сочтены.

Наступило молчание. Наконец Рик проговорил довольно ворчливо:

– Если хотите, то все мы восставали во всем нашем величии, за исключением разве Марка. Марки, восстаешь ты иногда во всем своем величии?

– Нет, – сказал Марк Аврелий Антоний, задумчиво пережевывая траву, – хотя видел, как многие дураки пробовали сделать это.

– Вы сознаетесь, что вы восстаете? – возбужденно сказал канзасский конь. – Так почему же – почему вы покорились в Канзасе?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.